

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
УЛЫБКИ КАК ЭЛЕМЕНТА НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ГРЕГОРИ
ДЭВИДА РОБЕРТСА «ТЕНЬ ГОРЫ»)**

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC SPECIFICITY OF A SMILE
AS A NON-VERBAL ELEMENT OF COMMUNICATION
(ON THE MATERIAL OF *THE SHADOW OF THE MOUNTAIN*
BY GREGORY DAVID ROBERTS)**

А. В. Чуханова

A. V. Chukhanova

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
Минск, Беларусь
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University
Minsk, Belarus
e-mail: *chukhanova@mail.ru*

В статье выявляется функционально-семантическая специфика улыбки как элемента невербальной коммуникации в рамках анализа романа Грегори Дэвида Робертса «Тень горы»; определяется набор наиболее частотных языковых маркеров, характеризующих эту жестовую форму.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, мимический жест, улыбка, языковые маркеры.

The article reveals functional and semantic specificity of a smile as an element of non-verbal communication in the context of the analysis of *The Shadow of the Mountain* by Gregory David Roberts; a set of the most frequent language markers characterizing this gestural form is determined.

Key words: non-verbal communication, mimic gesture, smile, language markers.

Жестовая культура каждого народа представляет собой сложную систему, особое место в которой занимают элементы, не требующие акте коммуникации огромной силой иллюкативного вынуждения» [1, с. 340] и позволяют без специального словесного оформления транслировать отношение как к адресату, так и речевой ситуации в целом. Одним из самых сложных мимических жестов является улыбка, которая играет важную (а часто и определяющую!) роль в процессе обмена информацией.

Несмотря на то, что функциональная, семантическая, прагматическая и лингвокультурологическая специфика улыбки уже в течение длительного времени находится в «фокусе» научного интереса, до сих пор еще не разработана детальная и последовательная типология этого мимического знака.

В литературе, касающейся проблем невербального общения, внимание акцентируется, как правило, на характеристике смыслового инварианта улыбки и его пропозиций, описании отдельных разновидностей этого жеста и т. д. Так, с учетом критерия «прагматической освоенности», выделяют «освоенные» и «неосвоенные улыбки». Первые формируют ядро невербальной системы, имеют «стандартное языковое обозначение в виде закреплённой номинации» [1, с. 343], выступают как конвенциональный для данного социума знак. «Неосвоенные» улыбки находятся на периферии или даже в маргинальной области, не номинированы вербально и не всегда «распознаются как жесты» [1, с. 343]. Такая дифференциация достаточно условна и не всегда позволяет однозначно определить статус улыбки. Это во многом обусловлено тем, что этот мимический знак полифункционален и может одновременно передавать целую палитру эмоций. Кроме того, семантико-прагматический потенциал улыбки зависит от условий речевой ситуации, характера отношений между адресантом и адресатом, особенностей передаваемой информации и т. д. Не случайно Г.Е. Крейдлин ставит вопрос о специальном лексикографическом описании этого жеста, а также необходимости создания семантической типологии русских улыбок, которая должна проводиться, по его мнению, с учетом различных типов «смысловых наращений, модификаций и других смысловых и когнитивных операций над инвариантом» [1, с. 352]. Г.Е. Крейдлин разграничивает улыбки как коммуникативный мимический эмблематический жест и как симптоматический знак-эмблему, дифференцирует два типа их употреблений – физиологически исходное, симптоматическое (средство выражения эмоций) и производное/коммуникативное (передача адресату некоторой информации).

Но выявление всего «арсенала» улыбок невозможно без детального анализа художественного дискурса, где наиболее полно раскрывается функциональный и семантический потенциал этого мимического жеста.

Материалом для исследования послужил роман Г.Д. Робертса «Тень горы». (Характеристике других жестовых форм посвящена наша статья «Национально-культурная специфика невербальной коммуникации (на материале романа Грегори Дэвида Робертса «Шантарам»)» [3].) Выбор именно этого произведения отнюдь не случаен: автор мастерски использует возможности невербальной коммуникации, умело вплетает ее в текстовую ткань произведения. Например, лексемы *улыбка*, *улыбаться* и их синонимы, а также аналитические конструкции, формирующие представление об этой жестовой форме, используются в романе более 370 (!) раз. Кроме того, автор предлагает собственную

классификацию женских улыбок. (В теории невербальной коммуникации внимание акцентируется на том, что улыбки не имеют гендерных маркеров. Это, возможно, обусловлено тем, что «мужские» и «женские» улыбки опираются на одинаковый биологический фундамент.)

– *Первая улыбка, – сказала она, игнорируя мою иронию, – возникает неосознанно, когда, например, ты улыбаешься ребенку на улице или кому-то, кто улыбается тебе с экрана телевизора.*

– *Вторая, – продолжила она, – это вежливая улыбка. С ней мы приветствуем друзей, когда они приходят к нам в гости или встречаются с нами где-нибудь в ресторане.*

– *Третью улыбку мы используем против тех, кто нам не нравится.*

– *Четвертая – это улыбка, которую мы дарим только любимому человеку. Она показывает этому человеку, что ты считаешь его единственным и неповторимым. Никому другому эта улыбка не достанется [2, с. 93].*

Иными словами, автор обращает внимание на улыбку-реакцию, улыбку-приветствие, улыбку-маску и интимную улыбку, хотя функционально-семантическая палитра этого мимического жеста значительно шире. Проанализируем ее.

Улыбка является самой частотной жестовой формой, описанной в романе. Ее функциональный диапазон широк. Она выступает как средство:

1) реализации фатической и регуляторной функций: *Олег одарил ее очаровательной улыбкой. Карла улыбнулась в ответ [2, с. 597]; Она не сказала мне ничего... Но один раз она взглянула на меня и как будто чуть-чуть улыбнулась. Или даже не улыбнулась, но я почувствовал ее улыбку своим сердцем, Лин. Не могу этого объяснить. Тогда я ... улыбнулся ей в ответ. И она тоже почувствовала это сердцем, могу поклясться! [2, с. 262–263];*

2) «маркирования» отношений между адресантом и адресатом: *Он глядел на меня с привычной, открытой и вроде бы дружеской улыбкой [2, с. 230]; Когда я уходил, он улыбнулся мне формальной улыбкой и обратил к Винсону озабоченное лицо с заготовленными серьезными вопросами [2, с. 619];*

3) отражения реального эмоционального фона субъекта: *Лицо его смягчилось в печальной улыбке, как это бывает, когда мы вспоминаем о каком-то несчастье, в конечном счете обернувшимся удачей [306]; Дива с напряженной, застывшей улыбкой болтала с девочками [2, с. 497];*

4) «маскировки» эмоционального, психологического или физического состояния субъекта: *Она улыбнулась, но во взгляде сквозил гнев* [2, с. 424]; ... *Он казался открытым и простодушным, однако под этой маской таилась неизбывная злоба, замешанная на страхе и коварстве. Однажды я видел, как спала эта маска. И я видел садистский огонек, вспыхнувший в его глазах. Но остальные этого не заметили: сияющая улыбка быстро вернулась на место, скрыв его истинную натуру* [2, с. 76]; – *Ты и я, – сказал он, смягчая тон и вымучивая новую улыбку, больше похожую на гримасу боли* [2, с. 137];

5) реакции на предтекст или уже произошедшее событие: – *Вот ты о чем, – улыбнулся он. – Возвращаемся в прошлое?* [2, с. 311]; – *Мою первую любовь тоже звали Ириной, – ответил он, и его всегдашняя улыбка померкла в полусумраке воспоминаний* [2, с. 784].

Следует отметить, что в романе улыбка нередко сочетается с другими жестовыми формами (движение головы или глаз, похлопывание по плечу), что позволяет наиболее «объемно» представить речевую ситуацию. Кроме того, объединение в одном невербальном событии разнотипных жестов способствует формированию особых семиотических актов, которые расширяют диапазон традиционных представлений о функциональной специфике невербальных знаков [3, с. 262]: *Знакомый коп перед офисом сержанта пропустил меня без вопросов, кивая и улыбаясь* [2, с. 151]; *Несколько официантов приветствовали меня кивками и улыбками на пути к ее столу* [2, с. 253]; *Тяжелые тучи накрыли преждевременной вечерней тенью усталые лица рыбаков и прачек, возвращавшихся домой после трудового дня. Но белки их глаз излучали золотисто-розовый свет, когда они мне улыбались. А улыбались при встрече все без исключения ...* [2, с. 130]; – *Что ты тут делаешь, Олежка? – спросила Карла, улыбаясь во все распахнутые зеленые глаза* [2, с. 806]; *Навин вопросительно взглянул на Дидье. Тот с улыбкой пожал плечами* [2, с. 420]; *Взглянув на Навина, я по его мимолетной улыбке и безнадежному пожатию плеч понял, что он за эти дни уже привык уступать в постоянных спорах с этой девчонкой* [2, с. 230].

Однако характеристика улыбки как элемента невербальной коммуникации предполагает не только выявление функциональной специфики этого жеста, но и определение набора его языковых маркеров, поскольку «вариативность присуща не только самим улыбкам, но и их языковым обозначениям» [2, с. 354].

Анализ материала картотеки позволил установить, что самыми частотными языковыми маркерами анализируемого мимического жеста являются:

а) имена прилагательные: *Учитель неизменно ласков и спокоен, с его лица не сходит умиротворенная улыбка* [465]; – *Привет, – сказала она со смущенной улыбкой* [2, с. 166];

б) наречия: *Я ободрительно улыбнулся ей* [2, с. 497]; – *Что ж, – снисходительно улыбнулся Дидье, – тогда я продолжу урок* [2, с. 497];

в) глаголы: *На лице Карлы блуждала улыбка, в ней светилось нетерпение поделиться каким-то секретом* [2, с. 330]; *Судя по выражению ее лица, назревал очень эмоциональный ответ, но она справилась с собой и вымучила улыбку* [2, с. 330];

г) причастные и деепричастные обороты: *Я представил всех Сильвано, он приветствовал их улыбкой, освещенной сиянием веры* [2, с. 727]; – *В дупло я не полез, – заявила она, скривив губы в улыбке* [2, с. 765];

д) описательные конструкции: – *Карла ... – начал было я, но она улыбнулась мне с такой любовью, что оставалось только сдаться* [2, с. 769]; *Мальчик улыбнулся, и в этой улыбке была смесь признательности и сожаления* [2, с. 81].

Прилагательные-маркеры (с учетом дифференциальных сем в значении) можно ранжировать следующим образом:

1) репрезентанты психического (эмоционального) состояния или переживания: *Он помолчал, глядя на английский сад; при этом уголки его губ приподнялись в удивленной улыбке* [2, с. 312]; – *Просто не верится. Как это здорово, правда?* – *спросила она со счастливой улыбкой* [2, с. 733];

2) маркеры эмоционального отношения: – *Почему нет, Лин? – спросил Ранджит. Его вежливая улыбка растаяла* [2, с. 227]; – *Ни к чему, – сказал Вишну со снисходительной улыбкой. – Я уже выяснил все, что хотел* [2, с. 114];

3) конкретизаторы психологического состояния: – *О любви? – спросил с глупой улыбкой я* [2, с. 482]; *Изборожденное морщинами лицо Назира и жесткая, хмурая улыбка, какой он встречал проходящих в дом Кадербхая, всегда придавали нам обоим уверенности* [2, с. 638];

4) показатели интенсивности: – *Ты не хочешь меня спросить? – наконец произнес Тарик с легкой улыбкой* [2, с. 79]; *Проводив ее взглядом, юный парс обернулся ко мне с широченной улыбкой* [2, с. 159];

5) репрезентанты частотности: *Когда я перевел взгляд на Назира, тот одарил меня редкой улыбкой* [2, с. 72]; *Абдулла это заметил и не удержался от столь редкой для него улыбки* [2, с. 288].

Наречия, характеризующие улыбку, выступают в роли функционально-семантических эквивалентов первой, третьей

и четвертой групп прилагательных-маркеров: *Решено, едем, – сказал я, и она радостно улыбнулась* [2, с. 722]; *Затем поднял голову и ласково улыбнулся Скептику* [2, с. 734]; *Она отважно улыбнулась* [2, с. 225]; *Она снова оперлась на дверной косяк, понимая улыбку* [2, с. 428]; – *Так оно и есть. – Аршан широко улыбнулся, продемонстрировав два ряда ровных, мелких, безупречно белых зубов* [2, с. 169]; *Он едва заметно улыбнулся, вселяя смелость в пустыню моего сердца, где уже заметался страх* [2, с. 435].

Глаголы, причастные и деепричастные обороты акцентируют внимание на:

1) пространственных и качественных характеристиках улыбки: – *Замечательная картина, – расплылась в улыбке Карла* [2, с. 718]; – *Слушай, старик, – сказал он, расплываясь в улыбке* [2, с. 350]; *А теперь видел ее через окно, улыбающуюся с любовью и верой* [2, с. 821];

2) регуляторных свойствах мимического жеста: *Идрис смотрел на меня и как будто сдерживал улыбку* [2, с. 324]; – *Когда мой друг вернется, мы выплатим вам вознаграждение, – сказала она и выдавила из себя улыбку* [2, с. 220];

3) возможности изменить или завуалировать реальное состояние участников речевой ситуации: *Улыбка преображала ее лицо: сомнения развеивались, открывая светлую и ясную сущность девушки* [2, с. 519]; *Голубые глаза его сияли, как огни маяка, маня усталого спутника. Улыбка скрыла тревогу* [577];

4) способности выступать в качестве элемента обратной связи: *Он прочел эту мысль на моем лице и улыбнулся* [2, с. 132]; – *Любит ли Бог поболтать со смертными, – быстро прошептала Карла, ободряюще улыбнувшись ему* [2, с. 737].

Описательные конструкции используются в случае отсутствия стандартной номинации улыбки: *Карла взглянула на нас пронзительно и улыбнулась с легким оттенком всезнающего превосходства, который только добавил пикантности и обаяния* [2, с. 347]; *Его улыбка напоминала пустынный пляж* [2, с. 462]. Несмотря на то что такие конструкции находятся на периферии номинаций улыбки, их использование значительно расширяет семантический диапазон анализируемого мимического жеста.

Выводы.

1. Жестовая культура каждого народа национально маркирована и представляет собой сложную систему, особое место в которой занимают мимические жесты.

2. В ситуации невербального общения улыбка играет важную, а часто и определяющую роль, что обусловлено полифункциональностью этого жеста и разнообразием его семантических типов.

3. Художественный дискурс представляет собой то уникальное пространство, анализ которого позволяет увеличить «смысловой диапазон» улыбки как невербального феномена.

4. В романе Г.Д. Робертса «Тень горы» она выступает как средство: а) реализации фатической, регуляторной функций; б) «маркирования» отношений между адресантом и адресатом; в) отражения реального эмоционального фона субъекта; г) «маскировки» эмоционального, психологического или физического состояния субъекта; д) реакции на предтекст или уже произошедшее событие.

5. Самыми частотными языковыми маркерами улыбки являются имена прилагательные, наречия, глаголы, причастные и деепричастные обороты, описательные конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 581 с.
2. Робертс, Г.Д. Тень горы / Г.Д. Робертс. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 832 с.
3. Чуханова, А.В. Национально-культурная специфика невербальной коммуникации (на материале романа Грегори Дэвида Робертса «Шантарам») / А.В. Чуханова, К.А. Чуханова // Язык и межкультурные коммуникации: материалы V Междунар. науч. конф., Минск – Вильнюс, 17–20 мая 2017 г.; редкол.: В.Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2017. – С. 259–263.

ТЕКСТ СКАЗКИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE TEXT OF THE FAIRYTALE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

Ю. И. Осипова

J. I. Osipova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: juliaosipova2010@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности текстов сказок с учетом таких аспектов как происхождение, характерные черты, лингвокультурологическая характеристика, связь сказки с мифами и религией. Сказочный дискурс имеет своеобразный ритм и глубинную семантику. Сказка концентрирует в себе множество функций. Магический мир сказки